

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ, ПРОМЫШЛЕННОЙ И ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РОССИИ

Научная статья

УДК 332.1

doi:10.37614/2220-802X.1.2024.83.008

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ БЕНЕФИЦИАРОВ В УСЛОВИЯХ «НЕПОЛНЫХ КОНТРАКТОВ» РЕСУРСНОЙ ЭКОНОМИКИ

Олег Викторович Толстогузов^{1,2}

¹Институт экономики Карельского научного центра Российской академии наук, Петрозаводск, Россия, olvito@mail.ru, ORCID 0000-0002-4162-8342

²Институт экономики и права Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия

Аннотация. В статье проведено исследование явления неопределенности, возникающей при взаимодействии агентов на межрегиональных ресурсоемких рынках, характерных для северных регионов, а также раскрыты причины, снижающие их эффективность. В связи с данными обстоятельствами была поставлена цель построения оптимального баланса интересов внешних (центра) и внутренних (периферии) бенефициаров за счет учета интересов, а также снижения неопределенности транзакций путем оптимизации дизайна рыночных регуляторов в условиях межрегиональных ресурсоемких рынков, характерных для северных регионов. Показано, что из-за влияния экзогенных факторов и эндогенного формирования институциональных механизмов, координирующих действия агентов в условиях неопределенной коллаборации, условие единственного рыночного равновесия не является корректным. В отличие от неоклассического подхода, рассматривающего конкурентное ценообразование, не меняющего рыночной структуры, в альтернативном подходе предполагается, что пространственные экстерналии вызывают эндогенные механизмы, характерные для рыночной структуры чемберлинского типа. Расширено понимание причин неопределенности, используемой в теориях неполных контрактов, в частности, издержки социальной системы были включены в транзакционные издержки в соответствии с неoinституциональной концепцией. Концепция позволяет исследовать пространственные объекты как мезоэкономические системы, фокусируя внимание на организационных и географических особенностях северных территорий. Проанализированы четыре институциональные зоны регулирования практики хозяйствования, характерной для ресурсоемких рынков северных регионов. Показано, что имеется возможность путем повышения компетентности и оптимизации дизайна рыночных регуляторов достичь баланса интересов внешних (центр) и внутренних (периферия) бенефициаров (за счет формирования институционального капитала, снижающего издержки эксплуатации социальной системы). Предложенная система организационно-институциональных мер совершенствует локальную институциональную практику в рамках действующей институциональной матрицы и не является нарушением антимонопольного законодательства, так как она направлена на восстановление условий конкуренции и снижение издержек эксплуатации социальной системы.

Ключевые слова: северные регионы, рыночное равновесие, социальная система, рента, транзакция, транзакционные издержки, мезоинституты, институциональный капитал

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр РАН».

Для цитирования: Толстогузов О. В. Баланс интересов внешних и внутренних бенефициаров в условиях «неполных контрактов» ресурсной экономики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2024. № 1. С. 108–120. doi:10.37614/2220-802X.1.2024.83.008.

PROBLEMS OF SOCIAL, INDUSTRIAL, AND FISCAL POLICY IN THE NORTH AND IN THE ARCTIC OF RUSSIA

Original article

BALANCING THE INTERESTS OF EXTERNAL AND INTERNAL BENEFICIARIES IN THE CONTEXT OF INCOMPLETE CONTRACTS IN A RESOURCE ECONOMY

Oleg V. Tolstoguzov^{1,2}

¹Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia, olvito@mail.ru, ORCID 0000-0002-4162-8342

²Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Abstract. This article examines the uncertainties arising from agent interactions in interregional resource-intensive markets, particularly those prevalent in northern regions, and explores factors undermining their effectiveness. Given these circumstances, the study aims to establish an optimal balance of interests between external and internal beneficiaries by taking into account interests, as well as reducing transaction uncertainty by considering their interests and mitigating transaction uncertainty through the optimization of market regulators in the context of interregional resource-intensive markets typical of northern regions. The analysis reveals that the condition of a single market equilibrium is compromised due to the influence of exogenous factors and the endogenous formation of institutional mechanisms that coordinate agent actions amid uncertain collaborations. Contrary to the neoclassical approach, which focuses on competitive pricing without altering the market structure, an alternative perspective posits that spatial externalities induce endogenous mechanisms characteristic of Chamberlin-type market structures. The study expands the understanding of uncertainty causes within the theory of incomplete contracts, incorporating social system costs into transaction costs in line with the neo-institutional concept. This conceptual framework enables the exploration of spatial entities as meso-economic systems, with a specific emphasis on the organizational and geographical characteristics of northern territories. The research evaluates four institutional zones governing economic management practices in northern regions. Through competence enhancement and optimization of market regulator design, the study demonstrates the feasibility of achieving a balance of interests between external and internal beneficiaries by strengthening institutional capital, thereby reducing social system costs. The proposed system of organizational and institutional measures enhances local institutional practices within the existing institutional matrix without violating antimonopoly legislation, as its focus is on restoring competitive conditions and reducing the costs of operating the social system.

Keywords: northern regions, market equilibrium, social system, rent, transaction, transaction costs, meso-institutions, institutional capital

Acknowledgments: this article was supported by a government grant awarded to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Tolstoguzov O. V. Balancing the interests of external and internal beneficiaries in the context of incomplete contracts in a resource economy. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo porjadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2024, no. 1, pp. 108–120. doi:10.37614/2220-802X.1.2024.83.008.

Введение

Дискуссия, которая проходит в рамках модернизационной повестки, затрагивает разнообразные вопросы развития северных регионов. Так, в работах [1; 2] речь идет о формировании промышленной политики для арктических территорий. В то же время необходимо обратить внимание на следующий момент. В Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года в качестве особенности, требующей специального подхода к социально-экономическому развитию данной территории, отмечается неравномерность промышленно-хозяйственного освоения пространства. Такое же ограничение для пространственно-экономического развития и рисков (в контексте национальной безопасности) касается и остальных северных территорий. Это является объектом дискуссии во многих исследованиях. Мы хотим включиться в нее, фокусируясь на институциональном факторе. Не умаляя достоинств вышеупомянутых исследований, хотелось бы дополнить их в части оценки институциональных условий формирования и реализации промышленной политики. Полагаем, что при обсуждении экономических отношений, складывающихся в северных регионах, следует

обратить внимание на такую их особенность, как преобладание высокой ресурсоемкой ориентации региональных хозяйств, при высокой монополизированности межрегиональных рынков (чемберлинского типа¹) с соответствующим механизмом ценообразования и распределения благ. Поэтому при разработке промышленной политики следует учитывать, что регионы могут попадать в «негативные» траектории развития [4]. Особенно это хорошо видно на примере экономики северных периферийных ресурсно обремененных территорий [5–8].

Рыночное распределение экономических бенефитов (постоянной или возрастающей отдачи, эффекта масштаба и других эффектов, влияющих на капитализацию доходности), не обеспечит автоматически максимизацию социального благосостояния субъектов (агентов и территорий), более того, приводит к декаплингу регионов (как это показано на примере Северо-Запада России [6]).

В работах [1; 2] представлен подход к оценке институциональных предпосылок региональной промышленной политики в разрезе регионов, в частности, учет качества формальных институтов и влияния местных акторов (резидентов) на данную политику в регионе. Однако, на наш взгляд, требуется дополнить предпосылки механизмом балансирования интересов акторов.

¹ Формулировка рынка взята из работы [3].

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ, ПРОМЫШЛЕННОЙ И ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РОССИИ

Авторами приводится пример лесопромышленного комплекса Республики Карелия, в котором вроде бы много фирм, но они (по какой-то причине как акторы) не влияют на промышленную политику региона. Аналогичная ситуация складывается и в других регионах с высоко-ресурсоемким хозяйством. Наше объяснение этому обстоятельству заключается в том, что данный рынок (и российский, и мировой) является рынком *чемберлинского* типа. Так, десять ведущих российских компаний владеют около 75 % российского рынка, при этом треть этой доли приходится на Группу «Илим» (75 % всей российской товарной целлюлозы, 20 % картона и 10 % всей российской бумаги). Общая доля групп компаний «Илим» и «Монди СЛПК» (с аффилированными лицами) превышает 30 % рынка. Поскольку речь идет о функционировании рынков несовершенной конкуренции, то и подходить к ним надо как к рынкам с особым механизмом рыночного равновесия, а также соответствующе анализировать и вопрос балансирования интересов акторов.

В этой связи была поставлена цель — исследовать предпосылки и определить возможность подхода к построению оптимального (для всех сторон) баланса интересов внешних (центр) и внутренних (периферия) бенефициаров за счет учета интересов, а также снижения неопределенности транзакций путем оптимизации дизайна рыночных регуляторов. После соответствующей проработки механизм построения баланса интересов бенефициаров должен быть включен в инструментарий промышленной и иной политики региона как механизм, обеспечивающий интересы региона и его резидентов.

Теоретические основы

В рамках традиционных экономических парадигм бытует представление о том, что существует единственное рыночное равновесие как результат действия невидимой руки рынка. Как правило, в таком ключе подходят к пониманию межрегиональных рынков. При этом регулирование хозяйственной практики априори задается макроинститутами, как бы гарантирующими условия единственности рыночного равновесия. При этом роль региональной власти заключается лишь в том, чтобы считать дисконтированную ожидаемую доходность коммерческого бренда, которую установила невидимая рука рынка. Однако экономическая практика наглядно демонстрирует множественность устойчивых равновесий, которая уничтожает однозначную взаимосвязь между «мерами» и «результатом» и плодит неопределенности будущего.

В теории неполных контрактов О. Уильямсон (расширенной теориями экономических механизмов

и информации Л. Гурвица, Э. Маскина, Дж. Стиглера, фирмы Б. Хольмстрема, Р. Мартина, Ж. Тироля и др.) неопределенность вводится как неизбежное ограничение при выборе моделей поведения агентов и регионов. Это в какой-то мере объясняет нерациональное действие рыночных механизмов (неэффективность контрактной системы, механизма ценообразования, неоптимальные стратегии поведения агентов и т. д.). Однако по-прежнему предполагается, что основной регулятор взаимодействия между агентами — это ценовой механизм в условиях достижимости рыночного равновесия. В то же время данный традиционный подход был поставлен под сомнение неинституциональной и эволюционно-географической парадигмами, которые показали его неадекватность при описании экономического взаимодействия агентов в реальном экономическом пространстве. Так, достижение рыночного равновесия в условиях неоднородного пространства предполагает не одинаковый набор действий с учетом разной степени их согласованности. Имеет значение и временное измерение как синхронизация элементов экономического пространства, приводящая к их когерентности — к сопряженному в пространстве и согласованному во времени протеканию характерных для них экономических процессов. В этом случае отличия пространственных институциональных единиц обусловлено свойствами самого пространства, а не условиями рыночного равновесия с максимумом прибыли [6; 9; 10]. Это создает новое осмысление в части разнообразия путей развития, например, как это предлагает теория изменений [11]. Поэтому происходит смена парадигм — от общего равновесия интерес сместился к частному, а от частного — к коллективному (см. обзоры [12–15]), причем реализуемому во множественном разнообразии, вызванном как поведенческими моделями фирмы, так и трансформацией экономического ландшафта как сложной адаптивной системы [16], а также и социальной ориентацией с акцентом на результаты «для людей и мест» [11]. Происходит переосмысление развития территорий с точки зрения устойчивости [17]. Становится очевидным, что хотя элементы локальной системы образуют единство, однако тип связей отличается от макро- и микроэкономических законов. Он определяется эволюционными причинами [16; 18], коэволюцией элементов мезоэкономических структур [19], а также свойствами анизотропного экономического пространства [6; 9].

В данном случае сравниваются два подхода, первый из которых, традиционный, охватывает комплекс парадигм, обращающихся с неизменной структурой взаимодействий элементов системы.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ, ПРОМЫШЛЕННОЙ И ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РОССИИ

Второй, эволюционный, охватывает комплекс парадигм, учитывающих изменяющуюся структуру коллективных взаимодействий, а также влияние на нее соответствующих стимулов и рыночных регуляторов, вероятностных механизмов стратегических игр, определяющих эффективность агентов и экономики региона в целом.

Неоклассическая и иные парадигмы, представленные в традиционном методологическом ключе, показывающие свою эффективность на микро- и макроуровнях, тем не менее, не годятся для объяснения эффективности контрактов и организационных процедур, влияющих на эффективность транзакций и их неопределенности.

Неоинституциональная и эволюционно-географическая парадигмы, в отличие от предшествующих теорий, обращают внимание на иные условия неопределенности, а именно на трансформацию институционального порядка взаимодействия между агентами, учет особенностей поведения экономических агентов, функционирующих на локальном уровне [8], функционирование мезоэкономических структур и эндогенное формирование механизмов координации агентов [12; 13; 20–22]. Эксперты обращают больше внимания на институциональные реакции общества и их роль в развитии территорий [18; 23; 24], в особенности периферийных регионов [6; 9; 24]. А в фокусе их аналитической работы оказались мезоинституты [22; 23].

Таким образом, в данном случае при исследовании неравномерности регионального развития, особенно в контексте межрегиональных ресурсоемких рынков, характерных для северных регионов, используется концепция институтов (и институций²). Она позволяет применять методы институционального и морфологического анализов, фокусировать внимание на особенностях экономических ландшафтов, а также на организационных свойствах социальных систем и условиях контрактации в зависимости от особенностей экономического пространства.

Обсуждение

Прежде чем приступить к рассмотрению неопределенности рыночных решений, абстрагируем экономическое пространство до уровня предельной категории. Полагаем, что характеристики экономического пространства сведутся к одной скалярной величине — экономической ренте, выступающей искомой предельной абстракцией.

По нашему мнению, суть проблемы заключается

в понимании как возникновения ренты (возрастающей отдачи на межрегиональных отраслевых рынках и т. д.), так и способа ее распределения. Это является ключевым моментом в согласовании интересов, а также критерием для сравнения методов познания. Поскольку имеет значение синхронизация элементов экономического пространства, приводящая к их когерентности — к сопряженному в пространстве и согласованному во времени экономическим процессам, то тогда становится очевидным понимание ренты как *монопольной прибыли* [25]. Следовательно, источником экономической ренты является *значительная рыночная власть*, определяющая механизмы ценообразования и условия контрактации.

Ранее проведенные исследования с использованием эконометрического моделирования [6; 26] не только показали неравномерное пространственное распределение экономических бенефитов в северных регионах, но и актуализировали проблему противодействия усилению монополизации и перераспределению экономической ренты в пользу сильного субъекта в ущерб северной периферии. Так как настоящее исследование является теоретическим (обобщающим) продолжением предыдущих работ, то мы можем себе позволить не повторять данные методики пространственного анализа, а сразу перейдем к анализу установившегося порядка хозяйствования на ресурсоемких рынках.

Традиционный подход объясняет суть поставленной проблемы моделями организации межрегионального отраслевого рынка и соответствующего распределения ренты между рациональными агентами при условии единственности рыночного решения. В этом случае основной единицей анализа является организация рынка в условиях вальрасовского равновесия.

Эволюционный подход фокусирует внимание на роли факторов, трансформирующих экономическое пространство и коллективные действия агентов и в конечном счете определяющих эффекты масштаба и аллокацию экономической ренты. В отличие от традиционного подхода к фирмам и контрактам с неизменной рыночной структурой и конкурентным ценообразованием, в данном подходе учитывается динамика рыночной структуры, вплоть до формирования рынков чемберлинского типа. Изменение ситуации на рынках происходит путем сговора (чаще всего картельных соглашений) или установления личных и дружеских связей между конкурентами или продавцом и покупателем, становления долговременных связей, приобретения контрольного пакета акций, развития франчайзинга

² Институция — понятие, введенное неоинституционалистами, означающее порядок, практику (социально-функциональная сущность институций). Институт — норма, правило (социально-

структурная природа). Институции лежат в основе институтов. Институция объясняет причину (сущность, содержание) экономического действия, а институт — форму действия.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ, ПРОМЫШЛЕННОЙ И ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РОССИИ

и аутсорсинга, слияния предприятий и т. д. [9]. Поэтому акцент в эволюционном подходе смещается в сторону объяснения неэффективности институтов и их совершенствования на новых (*неклассических*) основаниях.

Экономика функционирует как система правил, по которым взаимодействуют экономические агенты, как система контрактов [27; 28], влияющих на выбор моделей организационного поведения [20; 29]. В фокусе внимания оказываются не сами агенты, а регулярности их поведения, рассматриваемые в контексте изменяющейся структуры отношений социальной системы, а также институты и институции, обуславливающие эти регулярности, и соответствующие институциональные реакции местных сообществ. Основной единицей анализа становится *транзакция* [27] и *организационная процедура* (поскольку имеет значение не только сама норма, но и ее диспозитивность и процессуальность). В этом случае под *транзакцией* понимается процесс перехода прав собственности, акт создания стоимости, обмен информацией, смена стадий деятельности в производственном процессе, поддержание институциональных рамок, в которых осуществляется экономическая деятельность и т. д. [30].

Неоклассическая и другие ортодоксальные парадигмы используют модель рационального агента, стремящегося к единственному рыночному равновесию. Парадигмы признают наличие институтов, однако игнорируют влияние транзакционных издержек на конечный результат; допускают нейтральность транзакционных издержек по отношению ко всем экономическим процессам, проходящим в экономическом пространстве. В то же время имеет значение, как на каждом шаге транзакции в пространстве и времени регулируются права собственности, как действуют управленческие команды, как учитывается контрактный оппортунизм агентов, как обеспечиваются контракты исковой силой, а также как в целом формируется *институциональная структура фирмы (рутина)*. Однако, если учесть наличие бенифитных (аффилированных) групп, то при этом *рутина* становится внешне привязанной.

В теории экономической информации допускается появление неопределенности, которая может не привести к вальрасовскому равновесию. Как следствие согласованных стратегий агентов, допускается равновесие в смысле *Нэша*. В результате согласованных действий появляется неопределенность, причем исключительно в рамках рутинного поведения агентов. При этом рутинная даже при допуске управленческих издержек реализуется по-прежнему при абсолютизации принципа рациональности, ведущего к единственному рыночному равновесию.

Однако если допустить множественность рутин из-за наличия экзогенных факторов и эндогенного формирования институциональных механизмов, координирующих действия агентов в условиях открытости рынков и разных коллабораций, то неопределенность в поведении агентов усиливается из-за транзакционных издержек, привносимых как неравновесным открытым рынком, так и неэффективной социальной системой. В этом случае задавать условие единственности рыночного равновесия не корректно. Кроме того, начальные условия и ограничения, накладываемые на механизмы и выбор стратегического решения, могут существенной роли не играть, поскольку агенты в определенный момент начинают принимать согласованные решения (объясняемые в рамках задачи теории игр с установлением равновесия в смысле *Нэша*). При этом число равновесных состояний социальной системы определяется как минимум количеством коллабораций с крупными бенифитными группами.

Следствием этого является то, что северные периферийные территории с разреженным экономическим пространством и институциональной разобщенностью и недостаточностью ресурсов рыночной и административной власти постепенно теряют свое промышленное значение (это показали результаты эконометрического моделирования трендов трансформации экономического пространства [6; 26]). Далее объясним данное явление в рамках эволюционного подхода и обозначим путь к поиску и установления баланса интересов центра и периферии.

В рамках эволюционного подхода рынок и фирма рассматриваются как сложные контрактные системы, играющие важную координирующую роль. Фирма является более эффективной формой организации по сравнению с рыночной формой хозяйствования. Наилучшей будет такая институциональная структура фирмы, при которой трансформационные и транзакционные издержки достигают своего минимального значения в рамках действующей реальности. Однако надо учитывать существующую реальность, которая формирует своего рода **силовые линии пространства (экономического поля)**, которые можно «отследить» с помощью функции градиента экономической ренты.

Чтобы минимизировать транзакционные издержки, фирма должна правильно (по месту и времени) встраиваться в эти силовые линии в соответствии со своим уровнем компетенций и возможностью снизить транзакционные издержки. При этом речь идет не только о чисто управленческих издержках, но и о весьма значительном «входном билете» на конкретный межрегиональный (или международный) товарный рынок.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ, ПРОМЫШЛЕННОЙ И ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РОССИИ

Регион в этом случае представляется как институциональная автономность, географически локализованная практика институционального дизайна регуляторов со своим институциональным и социальным климатом, балансом институтов, определяемым уровнем компетентности местной власти. При этом нужно различать **системообразующие институты**, которые формируют институциональную матрицу, и **институты** как **правила**, с помощью которых действующие лица и группы интересов взаимодействуют друг с другом, конкурируя и вступая в различные коллаборации. Поэтому решая искомую проблему и выясняя причины и следствия неполных контрактов, необходимо принимать во внимание не только процесс изменения стоимости коммерческого бренда, но и трансформацию структуры отношений в конкретной социальной системе. Например, следует учесть провалы и различные допуски (из-за диспозитивности и процессуальности норм) и неопределенности институциональной матрицы, проявляющиеся из-за взаимодействия формальных и неформальных институтов, эволюции институтов и т. д. Перечисленные обстоятельства серьезно влияют на эффективность транзакций и транзакционные издержки, которые усиливаются из-за несовершенства институтов или иначе — из-за **издержек «эксплуатации социальной системы»** [30, с. 57]. Поэтому при учете дисконтированной ожидаемой доходности коммерческого бренда, поддерживаемого, с одной стороны, оптимистическими ожиданиями инвесторов, а с другой — условиями контрактов, обладающих действительной правовой аргументацией, требуется также учитывать **издержки эксплуатации социальной системы**, причем не с помощью **банковской**, а с помощью **социальной ставки дисконтирования**. Последняя определяет эффективность управленческих и институциональных реакций местного сообщества. Пример ее расчета приведен в работе [31, с. 170–179].

Именно в данном контексте следует рассматривать эволюционный подход к достижению искомого баланса интересов. По сути, разговор идет о том, как грамотно встроиться в силовые линии экономического поля, в конфигурацию действующих центров силы. Однако это надо сделать так, чтобы добиться и максимально возможного эффекта для резидентов периферийного региона и экономики самого региона (наполнения бюджета, исполнение социальных расходов и т. д.). В этом случае анализировать и регулировать надо уже не поведение агента, а поведение самой среды, причем географически локализованной и распределенной по центрам силы. Контрактная система и иные институты «встроены» в географически и институционально локализованные практики. Собственно говоря, эти практики и система

коммуникаций как раз и есть предмет управления и суть стратегии региона [9], в рассматриваемом контексте ставшей коммуникационной стратегией, ориентированной на достижение определенного состояния устойчивости социальной системы и повышение резилентности региона.

При этом необходимо определять вероятность нахождения социальной системы в одном из состояний локального равновесия, поскольку теперь в условиях задачи допускается *множественность устойчивых равновесий*, что позволяет объяснить возможность эффектов институциональных реакций сообщества, ориентированных на тонкую настройку системы управления и в целом экономических и социальных регуляторов. В этой связи в эволюционном подходе рассматриваются дополнительные аспекты неопределенности транзакций и транзакционных издержек. Так, в локальных институциональных практиках проявляются издержки эксплуатации социальной системы, в частности, из-за неоптимальности институционального дизайна экономических регуляторов региона и правовых следствий так называемой **«абerrации» институциональной матрицы**. Ее причиной являются недостатки правоприменения норм, порождающие неопределенность из-за диспозитивности и процессуальности норм и т. д. В частности, в какой-то мере ситуация объясняется *балансом экстрактивных и инклюзивных институтов*. Экстрактивные институты концентрируют власть в *центре*, а инклюзивные институты распределяют власть по субъектам [32]. Экстрактивные институты распространяют на периферийные территории правовое поле внешних бенефициаров, поддерживая всячески их компетенцию.

В это же время идет процесс *размывания формальных рамок* (во многом за счет институций как неформальных правил хозяйствования). При этом сфера регулирования освоения и использования природных ресурсов является тому подтверждением — здесь используются и формальные, и неформальные правила [33].

Смысл деформализации заключается в усилении правовой (и внеправовой) маневренности фирм (например, при заключении контракта), позволяющей воспользоваться всеми возможностями гражданского кодекса, обходя ограничения формальных институтов. В то же время формальные нормы не обязательно должны нарушаться — они выступают также эффективным средством согласования интересов и достижения легитимности действий агента. При этом неформальные институты могут составлять одновременно и конкуренцию формальным нормам, могут даже подавлять их (в таком случае законы фактически заменяются нормами частного права).

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ, ПРОМЫШЛЕННОЙ И ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РОССИИ

В то же время формальные нормы не исключены из реальной деятельности фирм. Они по-прежнему действуют, например, как средство достижения предконтрактных договоренностей или как введение

ограничения в поведение контрагента (например, посредством санкций арбитражного суда). В таблице показана типология институтов по степени их влияния и формальности в ареале действия контрактов.

Типология институтов по уровню влияния и формализации

Институты	Формальные	Неформальные
Макроинституты	Законы	Социальные нормы
Мезоинституты	Контракты	Договоренности. Институции

Примечание. Источник: составлено автором.

Макроинститут задает траекторию движения агента (транзакцию) в виде просторного коридора, обусловленного диспозитивностью и процессуальностью норм. А далее вступает в дело конкуренция компетенций, проявляемая через адвокатирование транзакций. Значение приобретает договорное право, особенно для периферийных ресурсных территорий [34]. Мезоинституты описывают процессуальное звено, определяющее выполнение реализации имущественных прав, а также в контексте местных институциональных и социальных укорененностей определяют особенности организационных механизмов, посредством которых поддерживается легитимность транзакции и обеспеченность контрактов исковой силой.

Рынок чемберлинского типа в части ценового механизма кардинально отличается от совершенного рынка. При этом величина и структура контрактной цены становятся результатом порядка хозяйствования со собственными ему транзакционными издержками. В них включаются не только управленческие усилия (в рамках рутины), но и усилия, направленные на преодоление экономических и административных барьеров, поддержку исковой силы контрактов и т. д. Если фирма не обладает достаточной рыночной силой, то данные издержки становятся не просто большими, но зачастую превращаются в непреодолимый барьер для развития компании. Общий фон таких совокупных издержек составляет издержки эксплуатации социальной системы.

Таким образом, северные регионы и их резиденты, в условиях слабого административного ресурса и недостаточной компетентности в деле адвокатирования транзакций, оказываются в дискриминационном положении. В этом заключается суть механики, создающей большую перегрузку контрактов периферийных резидентов совокупностью транзакционных издержек. В частности, посредством этой механики происходит перенос инфляции издержек на периферийную территорию.

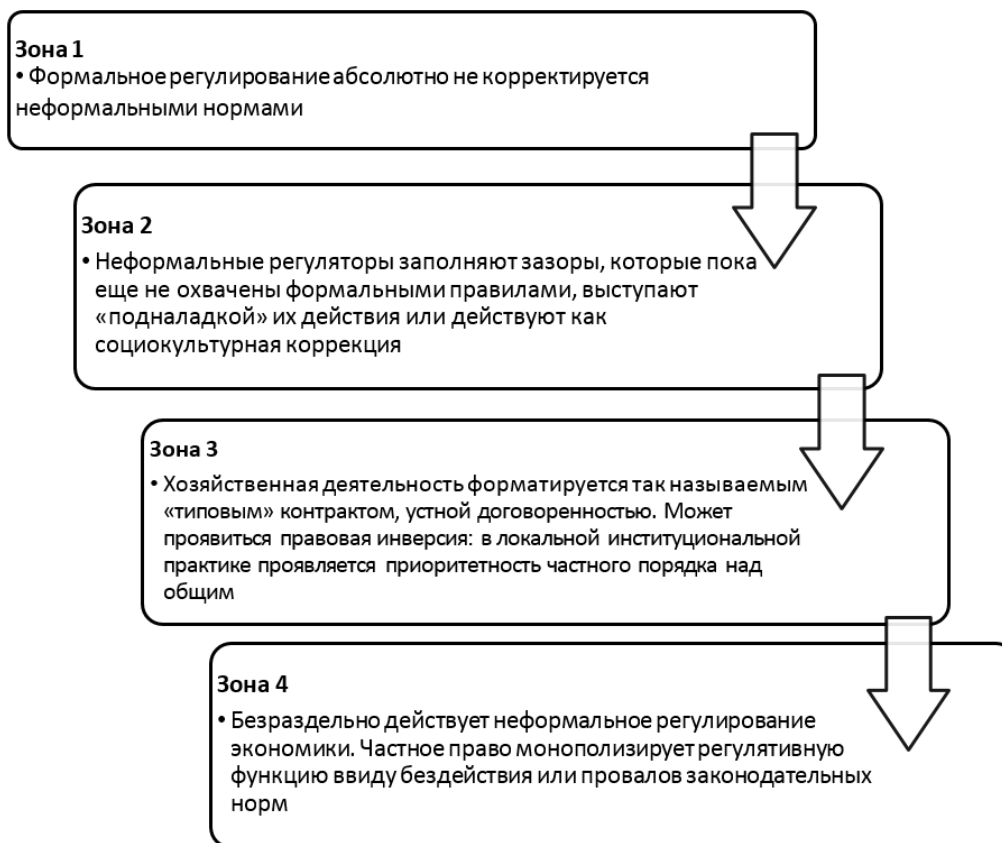
Традиционный подход допускает, что экономическая система опирается на институциональную организацию, определяющую в целом экономический порядок, а эволюционный подход при этом ставит в фокус внимания еще и процессуальный порядок

контракта. В локальных институциональных практиках зачастую она расширяется за счет формирования частного порядка в дополнение к правовому порядку. Однако это создает возможности и для эффективного взаимодействия процессов самоорганизации и бюрократизации местного сообщества. Таким образом, это дает основание и возможность для институциональных инноваций в настройке социальной системы и тем самым для коррекции механизма ценообразования и дележа экономической ренты.

На рисунке показано, как в ходе конкуренции компетенций (в рамках правоприменения гражданского и антимонопольного законодательства, арбитражных и иных процессуальных кодексов) в регионе формируются условные институциональные зоны, отражающие взаимодействие формальных и неформальных правил, процессы самоорганизации и бюрократизации локального сообщества.

Неформальные практики, как действенные механизмы, встраиваются в «зазоры» формальных институтов. Чем шире эти зазоры, тем сильнее воздействуют неформальные практики. Все это способствует появлению зоны 2. Данные институциональные практики даже могут стать доминирующими. Это происходит, когда экономическая деятельность форматируется так называемым «типовым» контрактом, или некими неоднозначными условиями контрактов, или устными договоренностями. На рынках чемберлинского типа это приобретает решающее значение и приводит к правовой инверсии — утверждается локальная приоритетность частного порядка над общими правилами (зона 3).

Экономическим следствием данного обстоятельства на ресурсоемких рынках становится дискриминация фирм-резидентов со стороны внешних бенефициаров (с соответствующим увеличением транзакционных издержек и отсутствием финансов на восстановление природных ресурсов в регионе-экспортере) [6]. Кроме того, монополия начинает проявлять свой капиталистический (эгоистичный) характер, пренебрегая социальными, экологическими или иными стандартами, интересами коренных народов и т. д., практически доводя ситуацию до зоны 4.

Институциональные зоны регулирования практики хозяйствования (содержание разработано автором)

Именно в таком контексте надо подходить к оценке и поиску причин неэффективности управленческих решений и устранению неэффективности институтов, отталкиваясь от понимания обустроенности реальной рыночной структуры. Эта реальность создает следующую картину: центр (как главный бенефициар ренты) определяет в ресурсном регионе правила игры внешних бенефициаров, контроль над транзакциями со стороны внешних бенефициаров, используя ситуацию с правовой инверсией. Не последним (в деле дискриминации периферии) инструментом является монетарный фактор. Речь идет не только о недомонетизируемости денежной массы (обуславливающей дефицит инвестиций), но и об использовании предоставляемых внешним бенефициаром долговых денег, не связанных ни с производством ценности, ни с оборотом активов. В итоге имеем плохо обеспеченные активы (связанные с переработкой и восстановлением природных ресурсов), легко проглатываемые крупными аффилированными группами.

Фактор долговых денег поддерживается монетизацией власти, осуществляемой строго в соответствии с силовыми линиями экономического поля. Такая реальность делает простой путь

превращения вещи в деньги очень длинным — через плохо ликвидные деривативы, причем зачастую выведенные из процесса производства ценности (например, ценности природного капитала). Фирма (резидент периферии) вынуждена действовать в рамках такой монетарной и денежно-кредитной политики, притом скорректированной внешним бенефициаром под свои правила (зона 3) и без учета состояния отраслевого рынка и экономики региона или социальных и экологических проблем. Данные обстоятельства не способствуют должному обеспечению долговых и ценовых контрактов большинства резидентов северных периферийных регионов, работающих с рисковыми активами (с землей и прочими природными ресурсами [31]).

Финансовый холдинг или иной внешний бенефициар в любой момент может ввести санкции из-за установленных им же правил. При этом будет использоваться произвольное (спекулятивное) дисконтирование ценности активов. В то же время роль государственных институтов развития как регуляторов и аллокационных распределителей ренты сильно ограничена.

Неэффективность политики обусловлена тем, что большинство реальных межрегиональных

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ, ПРОМЫШЛЕННОЙ И ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РОССИИ

рынков — это рынки несовершенной конкуренции, где сфера правительственного вмешательства плохо определена [28]. Она подпадает под некоторые меры административного регулирования (антимонопольное законодательство, стандарты, налоги и субсидии и т. д.). В то же время такие экономические инструменты, как «входной билет» на рынок, регулирование цен и в целом контрактной системы, используются недостаточно. Практику особых экономических зон вряд ли можно назвать в этом смысле удачным примером, поскольку она действует на ограниченном участке экономического пространства. Однако надо целенаправленно воздействовать на трансформацию всего экономического пространства, учитывая реальную рыночную структуру с экзогенными механизмами, когда инвестиции в северной периферии без поддержки государства изначально являются плохими инвестициями (причем плохими в финансовом измерении именно для самого региона).

Альтернативой сложившейся ситуации является усиление ответственности государства за развитие всего экономического пространства, а не только центра. С одной стороны, справедливая (по отношению к периферии) монетизация власти, безусловно, должна осуществляться в соответствии с силовыми линиями экономического поля, с другой — требуется оптимальная настройка социальной системы. При этом, учитывая сложившийся в условиях периферийной территории локальный баланс институтов и сформировавшиеся институциональные зоны, становится очевидным, что укрепление формального порядка должно проводиться через укрепление институциональной зоны 2, а также посредством антимонопольного и иного административного законодательства ограничение зоны 3 и исключение зоны 4. В целом необходимо как системную работу осуществить ряд мер, а именно:

- расширить государственное вмешательство (*интервенция вширь*);
- усилить роль государства в регулируемых зонах (*интервенция вглубь*).

Системная настройка институционального дизайна должна учитывать и баланс институтов, и совершенствование государственных институтов развития, включая также контроль адресных денег. Тогда смогут осуществляться и эффективно функционировать проектные контракты, обеспеченные государственными институтами развития и требуемым дизайном рыночных регуляторов. В этом случае деньги — это уже средство соизмерения контрактных обязательств и средство их выполнения. При этом контроль над денежной массой, ценообразованием и рисками становится сферой ответственности государства, причем не только федерального

правительства, но и региональных органов власти.

При правильно выстроенной архитектонике экономического пространства и стратегических коммуникациях местного сообщества экономические агенты, понимая политику макрорегуляторов и доверяя им, быстрее и корректнее будут учитывать управленческие и информационные сигналы (которые вместе с повышением доверия снизят неопределенность будущего) и будут принимать правильные инвестиционные решения. В этом случае бизнес будет обеспечивать ожидаемую капитализацию коммерческих брендов, а государство сформирует институциональный капитал, снижая социальную ставку дисконтирования и выстраивая необходимый баланс интересов бенефициаров.

Идея институционализации капитала принадлежит П. Бурдые [35]. Он определил три формы капитала: инкорпорированная, объективированная и институционализированная. Через последнюю форму как раз и осуществляется переход от долговой экономики к новой, легитимизируемой посредством институционального капитала. В этом смысле институциональный капитал понимается как система организационных возможностей территории отвечать на вызовы, а также понижать издержки эксплуатации социальной системы. Он должен стать основой для принятия управленческих решений, должен обеспечивать необходимый баланс бюрократизации и самоорганизации, а также установить оптимальное взаимодействие государственного, частного, монопольного и общественного секторов экономики на основе правильных стимулов. Для этого необходимо выполнить следующие действия:

- в рамках действующей институциональной матрицы сформировать алгоритм взаимовыгодного сотрудничества и обеспечения контрактов исковой силой, причем снижая транзакционные издержки, определяя масштаб деятельности агента и его легитимность, подтвержденную регионом; это позволит обеспечить «гармонию интересов всех сторон» на основе гражданско-правовых (контрактных) отношений [34];

- регулировать социальную ставку дисконтирования для расширения масштаба деятельности фирм и развития форм государственно-частного партнерства и иных государственных институтов развития, внедрять принципы правильных стимулов и мотивов для привлечения инвесторов (с одной стороны) и снижения оппортунизма стейкхолдеров (с другой стороны);

- разработать систему поддержки коммерческих брендов, обладающих коммерческой значимостью и способных эффективно реализовываться в условиях сложившегося локального равновесия межрегиональных и мировых рынков;

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ, ПРОМЫШЛЕННОЙ И ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РОССИИ

- помимо коммерческих брендов использовать легитимные, укрепляющие институциональный капитал *социальные бренды*³ как эффективные инструменты коммуникационной стратегии региона, цель которой заключается в повышении устойчивости (резилентности) региона в условиях современных вызовов.

В итоге оптимальный наработанный институциональный капитал позволит обеспечить геоэкономическую субъектность региона (его устойчивость, резилентность) и расширить (и укрепить) ареал его компетенций. Это обеспечит успешность местной администрации в процессе адвокатиования транзакций.

Выводы

Механизмы, реализующие трансформацию структуры имущественных отношений в экономические результаты, являются важнейшим драйвером пространственной трансформации, которая ведет к декаплингу разных частей экономического пространства (центра и периферии). Особенно это касается северных территорий, ориентированных на ресурсоемкие производства. Очевидно, что в данных условиях (когда деньги являются биржевым товаром и наблюдается дефицит длинных денег) сложился определенный, не в пользу периферии, баланс внешних и внутренних бенефициаров. В то же время сформировавшееся поле конкуренции компетенций при надлежащем адвокатиовании транзакций создает возможность повышения компетентности путем оптимизации дизайна рыночных регуляторов, что позволит достичь в конечном счете баланса интересов внешних (центр) и внутренних (периферия) бенефициаров. Конечный эффект определяется тем, насколько администрация региона обладает необходимыми компетентностью и волей. Речь идет о совершенствовании государственного и стратегического планирования в целях повышения субъектности региональной власти и усиления ее компетенции как за счет использования

местных ресурсов, так и за счет коррекции баланса институтов и регулирования правового порядка через сетевые и контрактные взаимодействия, институциональные соглашения, лицензии и т. д.

Системная настройка институционального дизайна региона включает в себя как укрепление ответственности государства путем расширения сферы его вмешательства (интервенция вширь), так и усиление роли государства в уже регулируемых сферах (интервенция вглубь), не допуская провалов институционального капитала при переводе регионального хозяйства в новую социально-экономическую реальность и обеспечении синхронизации действий субъектов с учетом субсидиарной и солидарной ответственности иерархированных уровней власти (федерального, регионального).

Подобный подход обладает определенной практической значимостью, а именно: он при формировании в регионе контрактной системы дает экономико-правовое основание легитимности защитных действий местной администрации (включая протекционистскую политику по отношению к резидентам, не аффилированным с внешними бенефициарами), нацеленных на усиление переговорной позиции при адвокатиовании транзакций. При этом предложенная система организационно-институциональных мер направлена на совершенствование локальной институциональной практики в рамках действующей институциональной матрицы. Она не является нарушением антимонопольного законодательства, так как направлена на восстановление условий конкуренции и снижение издержек эксплуатации социальной системы. Подобные механизмы системно применяются в мировой практике, в частности, они предусмотрены (при наступлении определенных обстоятельств) в правилах Всемирной торговой организации, а также при реализации определенных стандартов (например, карбонового стандарта низкоуглеродной экономики).

Список источников

1. Пилясов А. Н. Региональная промышленная политика в арктических территориях: какая она есть и какой ей быть? // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2021. Т. 24, № 3. С. 7–29. doi:10.37614/2220-802X.3.2021.73.001.
2. Пилясов А. Н., Цукерман В. А. Где в Арктике лучшие условия для реализации мер региональной промышленной политики? // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. Т. 26, № 3. С. 22–43. doi:10.37614/2220-802X.3.2023.81.002.
3. Dixit A., Stiglitz J. Monopolistic competition and optimum product diversity // American Economic Review. 1977. No. June. pp. 297–308.

³ Под *социальным брендом* понимается система семантических, аудиовизуальных и иных конструкций, коммуникаций, институтов и институций, формирующих узнаваемый контекст и влияющих на социальный климат. Посредством механизма социальных

брендов навязывается новый формат взаимодействий агентов, в соответствии с которым структура социальных брендов становится приоритетной по отношению к производственной структуре [31, с. 17].

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ, ПРОМЫШЛЕННОЙ И ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РОССИИ

4. Blažek J., Květoň V., Baumgartinger-Seiringer S. et al. The dark side of regional industrial path development: towards a typology of trajectories of decline // *European Planning Studies*. 2019. Vol. 28, No. 8. pp. 1455–1473. doi:10.1080/09654313.2019.1685466.
5. Pilyasov A. N., Goncharov R. V. Location of Productive Forces in Russia in an Innovation Economy // *Regional Research Russia*. 2023. Vol. 13. pp. 129–141. doi:10.1134/S207997052270054X.
6. Толстогузов О. В. Структурные изменения экономики регионов Северо-Запада России: институциональный фактор // *Балтийский регион*. 2022. Т. 14, № 1. С. 56–74. doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-4.
7. Kryukov V. A., Tokarev A. N. The Oil Industry in the South of Tyumen Oblast: Enclaves or Clusters? // *Regional Research of Russia*. 2022. Vol. 12, No 2. pp. 113–123. doi:10.1134/S2079970522020150.
8. Крюков В. А. О необходимости эволюционного подхода к формированию условий освоения и использования природно-ресурсного потенциала России // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2022. № 6. С. 102–132. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-evolyutsionnogo-podhoda-k-formirovaniyu-usloviy-osvoeniya-i-ispolzovaniya-prirodno-resursnogo-potentsiala-rossii> (дата обращения: 01.12.2023).
9. Толстогузов О. В., Дружинин П. В., Каргинова-Губинова В. В. и др. Приграничная периферия России: геоэкономика, коммуникации, стратегия: коллективная монография. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2018. 241 с. URL: http://resources.krc.karelia.ru/economy/doc/publ/prigranichnaja_periferija_ie_2018.pdf (дата обращения: 15.01.2024).
10. Hassink R., Isaksen A., Tripl M. Towards a comprehensive understanding of new regional industrial path development // *Regional Studies*. 2019. No. 53 (11). pp. 1636–1645. doi:10.1080/00343404.2019.1566704.
11. Eadson W., van Veelen B. Green and just regional path development // *Regional Studies, Regional Science*. 2023. Vol. 10, No. 1. pp. 218–233. doi:10.1080/21681376.2023.2174043.
12. Мезоэкономика: элементы новой парадигмы / под ред. В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной-Чэндлер. М.: ИЭ РАН, 2020. 392 с.
13. Тамбовцев В. Л. Непродуктивность попыток методологического синтеза // *Вопросы теоретической экономики*. 2020. № 3. С. 7–31. doi:10.24411/2587-7666-2020-10301.
14. Henning M. *Evolving Regional Economies: Resources, Specialization, Globalization*. Newcastle upon Tyne: Agenda Publishing, 2022. 168 pp.
15. Kogler D., Evenhuis E., Giuliani E. et al. Re-imagining evolutionary economic geography // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2023. No. 16. pp. 373–390. doi:10.1093/cjres/rsad029.
16. *The Routledge Handbook of Evolutionary Economics* / K. Dopfer, R. R. Nelson, J. Potts, A. Pyka (eds.). London, UK: Routledge, 2023. 476 p. doi: 10.4324/9780429398971.
17. Cooke Ph. *Evolutionary Complexity Geography and the Future of Regional Innovation and Growth Policies // Resilience and Regional Dynamics “An International Approach to a New Research Agenda”*. Cham, Switzerland: Springer, 2018. pp. 11–30. doi:10.1007/978-3-319-95135-5_2.
18. Boschma R. Global value chains from an evolutionary economic geography perspective: a research agenda // *Area Development and Policy*. 2022. Vol. 7, No. 2. pp. 123–146. doi:10.1080/23792949.2022.2040371.
19. Elsner W. The process and a simple logic of ‘meso’. Emergence and the coevolution of institutions and group size // *Journal of Evolutionary Economics*. 2010. No. 20 (3). pp. 445–477. doi: 10.1007/s00191-009-0158-4.
20. Holmström B., Tirole J. The Theory of the Firm // *Handbook of Industrial Organization*. 1989. Vol. 1. pp. 61–133. doi: 10.1016/S1573-448X(89)01005-8.
21. Dopfer K. The origins of meso-economics. Schumpeter’s legacy and beyond // *Journal of Evolutionary Economics*. 2012. No. 22 (1). pp. 133–160. doi:10.1007/s00191-011-0218-4/.
22. Шаститко А. Е. Мезоинституты: умножение сущностей или развитие программы экономических исследований? // *Вопросы экономики*. 2019. № 5. С. 5–25.
23. Menard C. Embedding organizational arrangements: towards a general model // *Journal of Institutional Economics*. 2014. no 10 (4). pp. 567–589. doi:10.1017/S1744137414000228.
24. Isaksen A., Tripl M. Exogenously led and policy-supported new path development in peripheral regions: Analytical and synthetic routes // *Economic Geography*. 2017. No. 93 (5). pp. 436–457.
25. Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J. P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress (СМЕРСП). 2009. URL: <https://www.researchgate.net/publication/258260767> (дата обращения: 01.12.2023).
26. Толстогузов О. В. Трансформация экономического пространства и структура экономики региона // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2016. № 4 (48). С. 91–106.
27. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция: Пер. с англ. СПб.: Лениздат, 1996. 702 с.
28. Тироль Ж. Рынки и рыночная власть: Теория организации промышленности: Пер. с англ. СПб.: Экономическая школа, 1996. XLII + 745 с.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ, ПРОМЫШЛЕННОЙ И ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РОССИИ

29. Teece D. J. Theory of the Firm // *The Palgrave Encyclopedia of Strategic Management* / M. Augier, D. J. Teece (eds.). London, UK: Palgrave Macmillan, 2018. pp. 1741–1750. doi: 10.1057/978-1-137-00772-8_568.
30. Фуруботн Э. Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной теории: Пер. с англ. СПб.: ИД Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. XXXIV + 702 с.
31. Карбоновый вектор онтологической модели экономики землеустройства / под ред. О. В. Толстогузова. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2023. 276 с. doi:10.17076/m-ec-carbvec23.
32. Acemoglu D., Robinson J. A. Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty. New York, USA: Crown Publishing Group, 2012. 529 p. doi:10.1007/s12232-013-0191-3/.
33. Po J. Y. T., Saint Ville A. S., Rahman H. M. T. et al. On Institutional Diversity and Interplay in Natural Resource Governance // *Society & Natural Resources*. 2019. Vol. 32, No. 12. pp. 1333–1343. doi:10.1080/08941920.2019.1667463.
34. Крюков В. А. О направлениях развития горного законодательства и горного управления в России // *Предпринимательское право*. 2022. № 2. С. 3–12. doi: 10.18572/1999-4788-2022-2-3-12.
35. Бурдые П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.

References

1. Pilyasov A. N. Regional'naya promyshlennaya politika v arkticheskikh territoriyakh: kakaya ona est' i kakoi ei byt'? [Regional industrial policy in the Arctic territories: what is it and what should it be?]. *Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the economic order], 2021, vol. 24, no. 3, pp. 7–30. (In Russ.).
2. Pilyasov A. N., Cukerman V. A. Gde v Arktike luchshie usloviya dlya realizatsii mer regional'noi promyshlennoi politiki? [What region in the Arctic has the best conditions for the implementation of regional industrial policy measures?]. *Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the economic order], 2023, vol. 26, no. 3, pp. 22–43. (In Russ.).
3. Dixit A., Stiglitz J. Monopolistic competition and optimum product diversity. *American Economic Review*, 1977, no. June, pp. 297–308.
4. Blažek J., Květoň V., Baumgartinger-Seiringer S. et al. The dark side of regional industrial path development: towards a typology of trajectories of decline. *European Planning Studies*, 2019, vol. 28, no. 8, pp. 1455–1473. doi: 10.1080/09654313.2019.1685466.
5. Pilyasov A. N., Goncharov R. V. Location of Productive Forces in Russia in an Innovation Economy. *Regional Research Russia*, 2023, vol. 13, pp. 129–141. doi:10.1134/S207997052270054X.
6. Tolstoguzov O. V. Strukturnye izmeneniya ekonomiki regionov Severo-Zapada Rossii: institutsional'nyi factor [Structural changes in the economy of Russian North-Western regions: the institutional factor]. *Baltiiskii region* [Baltic Region], 2022, vol. 14, no. 1, pp. 56–74. doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-4. (In Russ.).
7. Kryukov V. A., Tokarev A. N. The Oil Industry in the South of Tyumen Oblast: Enclaves or Clusters? *Regional Research of Russia*, 2022, vol. 12, no 2, pp. 113–123. doi: 10.1134/S2079970522020150.
8. Kryukov V. A. O neobkhodimosti evolyutsionnogo podkhoda k formirovaniyu uslovii osvoeniya i ispol'zovaniya prirodno-resursnogo potentsiala Rossii [On the need for an evolutionary approach to the formation of conditions for the development and use of the natural resource potential of Russia]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific proceedings of the Free Economic Society of Russia], 2022, no. 6, pp. 102–132. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobkhodimosti-evolyutsionnogo-podkhoda-k-formirovaniyu-usloviy-osvoeniya-i-ispolzovaniya-prirodno-resursnogo-potentsiala-rossii> (accessed 01.12.2023).
9. Tolstoguzov O. V., Druzhinin P. V., Karginova-Gubinova V. V. et al. *Prigranichnaya periferiya Rossii: geoekonomika, kommunikatsii, strategiya* [The Russian border periphery: geoeconomics, communications, strategy]. Petrozavodsk, Karelian RCs RAS, 2018, 241 p. (In Russ.). Available at: http://resources.krc.karelia.ru/economy/doc/publ/prigranichnaya_periferiya_ie_2018.pdf. (accessed 01.12.2023).
10. Hassink R., Isaksen A., Trippel M. Towards a comprehensive understanding of new regional industrial path development. *Regional Studies*, 2019, no. 53 (11), pp. 1636–1645. doi:10.1080/00343404.2019.1566704.
11. Eadson W., van Veelen B. Green and just regional path development. *Regional Studies, Regional Science*, 2023, vol. 10, no. 1, pp. 218–233. doi: 10.1080/21681376.2023.2174043.
12. *Mezoekonomika: elementy novoi paradigmy* [Meso-economics: elements of a new paradigm]. Moscow, IE RAS, 2020, 392 p. (In Russ.).
13. Tambovtsev V. L. Neproduktivnost' popytok metodologicheskogo sinteza [Unproductivity of the methodological fusion's attempts]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Issues of economic theory], 2020, no. 3, pp. 7–31. doi: 10.24411/2587-7666-2020-10301. (In Russ.).
14. Henning M. *Evolving Regional Economies: Resources, Specialization, Globalization*. Agenda Publishing, Newcastle upon Tyne, 2022, 168 pp.
15. Kogler D., Evenhuis E., Giuliani E., Martin R. Re-imagining evolutionary economic geography. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 2023, no. 16, pp. 373–390. doi: 10.1093/cjres/rsad029.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ, ПРОМЫШЛЕННОЙ И ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РОССИИ

16. *The Routledge Handbook of Evolutionary Economics*, K. Dopfer, R. R. Nelson, J. Potts, A. Pyka (eds.). London, UK, Routledge, 2023, 476 pp. doi: 10.4324/9780429398971.
17. Cooke Ph. Evolutionary Complexity Geography and the Future of Regional Innovation and Growth Policies. *Resilience and Regional Dynamics. An International Approach to a New Research Agenda*. Springer, Cham, 2018, pp. 11–30. doi:10.1007/978-3-319-95135-5_2.
18. Boschma R. Global value chains from an evolutionary economic geography perspective: a research agenda. *Area Development and Policy*, 2022, vol. 7, no. 2, pp. 123–146. doi: 10.1080/23792949.2022.2040371.
19. Elsner W. The process and a simple logic of ‘meso’. Emergence and the coevolution of institutions and group size. *Journal of Evolutionary Economics*, 2010, no. 20 (3), pp. 445–477. doi: 10.1007/s00191-009-0158-4.
20. Holmström B., Tirole J. The Theory of the Firm. *Handbook of Industrial Organization*, 1989, vol. 1, pp. 61–133. doi: 10.1016/S1573-448X(89)01005-8.
21. Dopfer K. The origins of meso economics. Schumpeter’s legacy and beyond. *Journal of Evolutionary Economics*, 2012, no. 22 (1), pp. 133–160. doi: 10.1007/s00191-011-0218-4/.
22. Shastitko A. E. Mezoinstituty: umnozhenie sushchnosti ili razvitie programmy ekonomicheskikh issledovaniy? [Meso-institutions: Proliferating essences or evolving economic research programme?]. *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2019, no. 5, pp. 5–25. (In Russ.).
23. Menard C. Embedding organizational arrangements: towards a general model. *Journal of Institutional Economics*, 2014, no 10 (4), pp. 567–589. doi: 10.1017/ S1744137414000228.
24. Isaksen A., Tripl M. Exogenously led and policy-supported new path development in peripheral regions: Analytical and synthetic routes. *Economic Geography*, 2017, no. 93 (5), pp. 436–457.
25. Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J. P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress (CMEPSP). 2009. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/258260767> (accessed 01.12.2023).
26. Tolstoguzov O. V. Transformatsiya ekonomicheskogo prostranstva i struktura ekonomiki regiona [The transformation of the economic space and the structure of the regional economy]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Regional economy and management: electronic scientific journal], 2016, no. 4 (48), pp. 91–106. (In Russ.).
27. Williamson O. *Ekonomicheskie instituty kapitalizma: Firmy, rynki, "otnoshencheskaya" kontraktatsiya* [The economic institutions of capitalism: Firms, markets, relational contracting]. Saint Petersburg, Lenizdat, 1996, 702 p. (In Russ.).
28. Tirole J. *Rynki i rynochnaya vlast': Teoriya organizatsii promyshlennosti* [The theory of industrial organization]. Saint Petersburg, Economic School, 1996, 745 p. (In Russ.).
29. Teece D. J. Theory of the Firm. *The Palgrave Encyclopedia of Strategic Management*. Palgrave Macmillan, London, UK, 2018, pp. 1741–1750. doi: 10.1057/978-1-137-00772-8_568.
30. Furubotn E. G., Richter R. *Instituty i ekonomicheskaya teoriya. Dostizheniya novoi institutsional'noi teorii* [Institutions and Economic Theory: The Contribution of the New Institutional Economics]. Saint Petersburg, Publishing House of St. Petersburg State University, 2005, XXXIV + 702 p. (In Russ.).
31. *Karbonovyi vektor ontologicheskoi modeli ekonomiki zemleustroistva* [The carbon vector of the ontological model of land management economics]. Petrozavodsk, Karelian RCs RAS, 2023, 276 p. (In Russ.).
32. Acemoglu D., Robinson J. A. *Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty*. New York, Crown Publishing Group, 2012, 529 p. doi: 10.1007/s12232-013-0191-3.
33. Po J. Y. T., Saint Ville A. S., Rahman H. M. T., Hickey G. On Institutional Diversity and Interplay in Natural Resource Governance. *Society & Natural Resources*, 2019, vol. 32, no. 12, pp. 1333–1343. doi: 10.1080/08941920.2019.1667463.
34. Kryukov V. A. *O napravleniyakh razvitiya gornogo zakonodatel'stva i gornogo upravleniya v Rossii* [On the directions of the development of mining legislation and mining management in Russia]. *Predprinimatel'skoe pravo* [Entrepreneurial law], 2022, no. 2, pp. 3–12. doi:10.18572/1999-4788-2022-2-3-12. (In Russ.).
35. Bourdieu P. Formy kapitala [The forms of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 2002, vol. 3, no. 5, pp. 60–74. (In Russ.).

Об авторе:

О. В. Толстогузов — докт. экон. наук, канд. физ.-мат. наук, главный научный сотрудник.

About the author:

O. V. Tolstoguzov — DSc (Economics), PhD (Physics and Mathematics), Chief Researcher.

Статья поступила в редакцию 19 января 2024 года.

Статья принята к публикации 26 февраля 2024 года.

The article was submitted on January 19, 2024.

Accepted for publication on February 26, 2024.